

Екатерина Мордвинцева

**ИЗМЕНА.
СРОК ТВОЕЙ НЕ ЛЮБВИ**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

М79 **Мордвинцева Е.**
Измена. Срок твоей не любви / Екатерина Мордвинцева – М.: Литнет, 2026.
– 226 с.

ISBN 978-5-524-00417-8

Измена, развод, бегство в другой город — так началась новая жизнь Анжелины. Учительница литературы пытается забыть прошлое, но слухи догоняют её. А тут ещё отец ученика — слишком красивый, слишком внимательный и чужой муж... Или нет?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00417-8

© Литнет, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Пролог

Я всегда считала, что измену узнаешь по запаху. По чужим духам на воротнике, по мятному дыханию, которое старательно маскируют жвачкой, по поздним сообщениям с работы. По той тяжёлой тишине между «я люблю тебя» и «я скоро буду». По пустоте в глазах, когда ты смотришь на человека, а он уже смотрит куда-то за твоё плечо.

Восемь лет брака научили меня многому. Например, что любовь – это не гром, а свет. Тот, который горит постоянно, даже когда ты не смотришь. Когда Сергей впервые сказал мне «давай поженимся», я думала, что этот свет будет гореть всегда. Наши общие студенческие годы, первая квартира с дырой в полу, его защита диплома, мои ночные проверки тетрадей, переезд в эту двушку с лоджией, где мы потом повесили качели для кота – всего этого, как мне казалось, хватит на то, чтобы удерживать планету на орбите.

Но планеты падают, когда в их ядре образуется пустота.

В тот день я вернулась домой раньше на три с половиной часа. Три с половиной – я потом буду пересчитывать их много раз, как монеты, которых не хватило на счастье. «В третий раз проверочные – это уже диагноз», – говорила завуч, когда я подписывала ведомости. И правда: зачем давать детям диктант по тургеневским «Запискам охотника» в предпраздничную пятницу? Я сама себе враг. Могла бы выбросить эти листочки в мусорку, поставить всем «хорошо» и уйти домой в три. Но я – Ангелина Сергеевна Давыдова, учитель русского языка и литературы с десятилетним стажем, человек, который заставляет семиклассников писать сочинение «Что я ненавижу в литературе». Идиотка. Перфекционистка.

Женщина, которая слишком поздно поняла, что жизнь не проверочная, её не переписать набело.

Проверочные мы всё-таки проверили. Я сидела в пустом классе, за окном уже зажигались фонари – мартовские, мутные,

сквозь которые весна казалась болезнью, а не обновлением. Восемнадцать работ. Четыре двойки. Одна с подписью «Мне всё равно на Тургенева, потому что он умер».

Логично. Я поставила «три» за смелость. Потом собрала сумку, поправила пучок – волосы выбивались всегда, как сорняки, – и поехала домой.

Обычно я возвращалась к семи. Сергей – к восьми. У нас был ритуал: он приносил что-то вкусное из пекарни за углом, я заваривала чай с мятой, и мы сидели на кухне под радио, где играл джаз. Я рассказывала про Вовочку из 7 «Б», который нарисовал чёрный квадрат на полях вместо эпиграфа, а он рассказывал про свои отчёты. Сергей работал завучем в той же школе, но по другой параллели – мы специально развели классы, чтобы не перетирать кости коллегам. Идиллия? Пожалуй. Скучная, предсказуемая, но своя.

В марте я всегда чувствую себя стеклянной. Сквозь меня просвечивает всё – прошлое, настоящее, будущее. Моя мать говорила, что это авитаминоз. Психолог, к которому я ходила два раза после выкидыша четыре года назад, называл это «синдромом разомкнутого контура». Я называю это просто – лишняя четверть оборота ключа, когда замок уже открыт, но ты всё равно продолжаешь крутить. Дома ждёт тишина, а я боюсь тишины, потому что в тишине слышно, как трескается то, что казалось целым.

Я зашла в подъезд. Лифт не работал. Опять. Третий этаж, пятьдесят две ступеньки. Я считала их иногда, чтобы отвлечься от мыслей. Сегодня не считала. В руке – пакет с проверочными (на выходные обещала себе перепроверить двойки, дать шанс исправить), в другой – зонт, хотя дождя не было. Просто привычка. Запасной вариант.

Ключ повернулся мягко. Дверь наша старая, филенчатая, с мутным глазком, в который я всегда смотрелась перед выходом, поправляя чёлку. В прихожей пахло Сергеевым одеколоном – древесным, с нотками бергамота. И ещё чем-то. Сладким. Ванильным. Чужим.

Я замерла.

Иногда я возвращалась раньше. Он знал. Мы созванивались – он писал:

«Когда будешь?» Я отвечала: «К семи». Но сегодня я не написала, что освободилась раньше. Потому что разрядился телефон, а я поленилась искать розетку в учительской. Потому что я всегда полагалась на то, что в мире есть порядок. Порядок был. Просто другой.

Звуки.

Они шли из спальни.

Я не знаю, почему я сразу поняла. Может быть, потому что эти звуки были неправильными. Не скрип кровати – он у нас железный, советский, скрипит даже от кота. Не шёпот телевизора – мы смотрели сериал по средам, а сегодня пятница. Это были прерывистые, влажные, слишком живые звуки.

Выдохи. Сдавленный женский смех. И голос Сергея – низкий, тот самый, который он включал в постели, когда хотел казаться страстным. Я знала этот голос. Я дарила ему этот голос. Он принадлежал мне.

Или нет.

Галлюцинация? Усталость? Может быть, мне просто показалось? Учителя литературы иногда сходят с ума от количества прочитанных душевных драм за год. Анна Каренина, мать её, под колёсами. Я могла себе вообразить.

Но я не воображала. Потому что в тот момент, когда я сделала шаг по коридору – стараясь ступать бесшумно, хотя зачем? – дверь в спальню была приоткрыта. Не закрыта. Просто чуть-чуть. Ламповый свет из комнаты падал полосой на паркет. И я увидела.

Сначала босую женскую ступню. Педикюр – красный, яркий. Я никогда не крашу ногти в красный, только беж или прозрачный. Потом мужскую ногу, в носке. Сергеевы носки, серые, с вытянутой пяткой, которые я всё собиралась выбросить. Потом часть спины – обнажённой, с родинкой на лопатке, которую я целовала

сотню раз. И волосы. Чужие волосы – пепельные, длинные, разметанные по моей подушке. По. Моей. Подушке.

Я помню, что подумала в тот момент. Не «как он мог», не «почему она», не «что я сделала не так». Я подумала: «Какая красивая у неё родинка на лопатке». Как будто моя душа уже вышла из тела, встала в угол и комментировала сцену, как экскурсовод в музее страданий.

– Сергей, – сказала я.

Голос был мой. Но звучал так, будто его пропустили через вату. Громко? Тихо? Я не знаю. Я просто назвала его имя.

Движения прекратились. Резко, как если бы кто-то выключил звук на телевизоре. Женский вскрик – короткий, вжатый в подушку. Возня. Сергей поднял голову. Я видела его лицо в полумраке – растерянное, покрытое испариной, с застывшим выражением. Кажется, он пытался улыбнуться.

Нет, не улыбнуться. Сделать лицо «ой, это не то, что ты думаешь».

– Лин... Ты рано... – Он сглотнул. – Подожди.

Женщина – я уже знала, кто это, но ещё не позволила себе эту мысль – натянула простыню до подбородка. Большие глаза, накрашенные ресницы, размазанная тушь. Катя. Катя Ветрова. Моя бывшая подруга, коллега по школе, учительница начальных классов. Та самая Катя, с которой я пила кофе после уроков, которая плакала у меня на плече после развода и говорила: «Мужики – козлы, Лин. Есть только ты и я».

Я смотрела на неё. Она на меня.

Интересно, что она чувствовала? Стыд? Нет, не похоже. Скорее досаду – что попалась. Как ребёнок, которого поймали за воровством конфет.

Обидно, что не успел съесть.

– Ангелина, – начала она. Голос дрожал, но не от раскаяния. От страха. За себя. За свою работу. За свою репутацию.

Я не дала ей договорить.

– Не надо, – сказала я. – Катя, соберись. И уйди.

Я сказала это так спокойно, что сама испугалась. Внутри – вакуум. Полный, абсолютный вакуум. Ни обиды, ни гнева, ни боли. Как будто кто-то вынул из меня сердце, заменив его куском космоса. Не холодного – вообще никакого. Там не было температуры. Там не было ничего.

Подумала: «Вот оно, отчуждение. Проявление. Герои Достоевского такое описывали. А я думала, это метафора».

Сергей вскочил, натягивая штаны. На ходу говорил:

– Лин, это не так. Это один раз, случайно, мы выпили, я не хотел, она сама.

Классика. Сценарий из дешёвого сериала. Интересно, он репетировал эти слова перед зеркалом или они родились сейчас, в панике, из глубин подсознания, где пряталась его настоящая трусость?

Я молча прошла в спальню. Не глядя на Катю – она сидела, вжавшись в изголовье, похожая на мышь, которую накрыли тапком. Прошла мимо.

Открыла шкаф.

– Что ты делаешь? – спросил Сергей.

– Забираю документы, – ответила я.

– Какие документы?

– Мои.

Я сняла с полки свою папку с бумагами – там лежали паспорт, дипломы, свидетельство о браке, медицинские полисы. Всё, что касалось лично меня. Свидетельство о браке я положила сверху. Потом взяла ноутбук, зарядку, кошелёк. Сложила в сумку-планер, которую носила на работу.

– Ты с ума сошла? – Он подошёл ко мне, схватил за локоть. Пальцы горячие, влажные. Я чувствовала на своей коже его пот. Чужой пот. Катин пот. – Лин, давай поговорим. Это всё недоразумение.

Я посмотрела на его руку. Медленно. Очень медленно. Потом подняла глаза.

– Убери руку, Сергей.

Он убрал. Я видела, как он испугался моего тона. Потому что я никогда так не говорила. Я кричала, я плакала, я бросала тарелки в стену, я могла молчать три дня. Но спокойного, ледяного, измеряющего расстояния тона у меня не было никогда. Он не знал, как на это реагировать.

– Ты сейчас уйдёшь? – спросила Катя. В её голосе прозвучала надежда. Надежда, что я уйду, и тогда они смогут продолжить. Или хотя бы спокойно обсудить, как заметать следы.

Я повернулась к ней. Посмотрела в глаза – длинно, в упор.

– Ты жива, Катя. Радуйся.

Вот так. Без угроз. Без криков «я тебя убью». Просто констатация факта: я могла бы сейчас сделать что-то страшное, но мне не хочется марать руки. Ты ничего для меня не значишь – даже моей ненависти.

Она отвела взгляд.

Я вышла из спальни. Прошла на кухню. Налила себе стакан воды. Выпила. Руки не дрожали. Сердце билось ровно. Даже странно – обычно в стрессовых ситуациях у меня подскакивало давление, начиналась тахикардия. Сейчас – тишина. Идеальный, стерильный покой.

Из спальни доносились приглушённые голоса – Сергей что-то шипел Кате, она всхлипывала. Ссора после секса. Любопытная штука. Только что они были единым телом, а сейчас уже враги. Общая вина соединяет хуже, чем любовь.

Я взяла телефон. Разблокировала. Увидела сообщение от Сергея, отправленное два часа назад: «Дорогая, купить твой любимый раф?». Я тогда не ответила – сидела над проверочными. Наверное, он решил, что я приду поздно, и пригласил Катю. Или Катя пришла сама. Не важно.

Важно другое: я не испытываю ничего.

И это «ничего» было самым страшным из всего, что я когда-либо чувствовала. Потому что если бы я злилась – я бы знала, что всё

ещё его люблю. Ненависть – обратная сторона любви, они всегда ходят парой. Но пустота... Пустота означала, что любовь умерла. Не знаю, когда. Может быть, год назад. Может быть, вчера. Может быть, в ту секунду, когда я увидела её пятку.

Я открыла приложение такси. Заказала машину до отеля «Центральный» – знала, что там есть круглосуточная стойка и можно снять номер на ночь.

Дальше решу. Потом вышла в прихожую, надела пальто – то самое, осеннее, кашемировое, которое Сергей подарил на день рождения. Взяла ключи от квартиры. Помедлила секунду. Положила их на тумбочку.

– Твой ключ, – сказала я в коридор. Громко, чтобы слышали оба. – Не забудь сменить замки.

Из спальни вышел Сергей. Босиком, в одних джинсах, застегнутых на одну пуговицу. Лицо красное, глаза бегают.

– Лин, не уходи. Ну пожалуйста. Давай поговорим, как взрослые.

Я усмехнулась. Внутри всё ещё было пусто, но губы сложились в усмешку автоматически.

– Как взрослые? Серёжа, ты минуту назад кончал в мою бывшую подругу на моей кровати. Какие «взрослые» разговоры? О коэффициенте инфляции?

– Я люблю тебя, – сказал он. И я поняла, что он говорит это искренне. То есть он действительно верил в то, что сказал. При этом трахал другую. Как это возможно? С точки зрения логики – никак. С точки зрения человеческой природы – обычное дело. Мы носим любовь как дорогой костюм, а потом идём в нём на помойку.

– Любишь, – повторила я за ним. – А Катю тоже любишь? Или просто так, для спорта?

Она появилась в дверях спальни – накинула мою любимую шёлковую пижаму. Ту, которую я везла из Италии. Светло-голубую, с кружевом. Я смотрела на эту пижаму на её теле и думала: «Это уже мелочи. Пусть носит».

– Прости, – сказала Катя. – Мы не хотели тебя ранить.

– Не переживай, – ответила я. – Не получилось.

Я надела сапоги. Кожаные, на низком ходу – я вообще не ношу каблуки, потому что у меня больные колени. Сергей когда-то шутил: «Ты как учительница из советского кино – практичная до ужаса». Да, практичная. Практичная женщина, которая сейчас уходит от мужа.

– Ты вернёшься, – сказал он. Я уже взялась за ручку двери. – Ты всегда возвращалась.

Он был прав. Я возвращалась. После ссор, после его командировок, после того, как он забывал про годовщину, после того, как он назвал мою маму «истеричкой». Я возвращалась, потому что любила. Потому что привыкла. Потому что боялась одиночества. Но сейчас я шла к одиночеству, как к выходу на сцену, и не чувствовала страха. Только тяжесть в руках – сумка с документами, ноутбук, жизнь.

Я обернулась. Посмотрела на него – в последний раз в этом доме, в этом коридоре, где висели наши совместные фото в деревянных рамках. На одной из них – мы в Сочи, я в смешной панаме, он целует меня в щёку.

Почти десять лет назад.

– Сергей, – сказала я. – Срок твоей не любви истёк. Он замер.

– Что? – переспросил.

– Срок. Твоей. Не любви. Истёк, – повторила я по слогам. – Ты получил уведомление. Можешь не освобождать квартиру, она твоя. Я забираю только себя.

– Но я люблю! – закричал он. – Я тебя люблю, дура!

– Ну, с твоей любовью, Серёжа, даже врагу не пожелаешь. Я вышла в подъезд.

Дверь закрылась за мной автоматически – пружина сработала, как всегда. Я слышала, как он забарабанил по двери изнутри, потом дёрнул ручку, но не открыл – я не успела заблокировать, он просто растерялся. Я слышала его голос: «Лина! Вернись, мразь!», потом – женский голос, уговаривающий его успокоиться.